
СТАТЬИ

В. Н. Топоров

СЛАВЯНСКИЕ КОММЕНТАРИИ К НЕСКОЛЬКИМ ЛАТИНСКИМ АРХАИЗМАМ

Не раз писалось об исключительной архаичности древнеримских институций в социально-административной, правовой, религиозно-культурной, экономической сферах и об их отражении в соответствующей латинской лексике¹. В ряде случаев эта лексика дополняется архаичными элементами других итальянских и кельтских языков², но существенно меньшее количество текстов на этих языках и менее последовательная кодификация древних норм заставляют (если говорить в общем) отдать предпочтение латинским свидетельствам. Несомненно, что в пределах отдельных индоевропейских традиций именно язык права сохраняет в особой полноте следы древнейших словоупотреблений, на основании которых можно не только восстановить исходные индоевропейские типы, но иногда и определить их первоначальную семантику, утраченную или сильно затушеванную в исторически засвидетельствованных продолжателях этих типов. Поэтому интерес, обнаружившийся в последнее время к языку индоевропейского права, вполне закономерен³. Уже первые результаты в этой области достаточно перспективны.

В этих заметках будет приведено несколько славянских примеров, которые — в свете соответствующих латинских данных — должны трактоваться как терминологические или даже фразеологические реликты из области древнего права и обычая. Не удивительно, что наблюдения такого рода иногда имеют прямое отношение и к собственно этимологии.

¹ Из работ последнего времени см. G. Dumézil. *La religion gomaine archaïque*. Paris, 1966; В. В. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. «Труды по знаковым системам», IV. Тарту, 1969.

² Ср. M. Dyllon. *Celtic and Other Indo-European Languages*. — TRHS, 1947.

³ См. É. Benveniste. *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*. 2. *Pouvoir, droit, religion*. Paris, 1969; C. Watkins. *Studies in Indo-European Legal Language, Institutions and Mythology*. «Proceedings of the Third Indo-European Conference», University of Pennsylvania. Philadelphia, April, 1966/1970.

* * *

Римские писатели (особенно с I в. н. э.) оставили красноречивые описания отрицательных женских образов. Эпиграммы Марциала или шестая сатира Ювенала принадлежат к числу наиболее ярких свидетельств. Представление о женщине как носительнице всех пороков дало основание Сенеке назвать ее «существом диким и лишенным разума» (*De constantia sapientis*. 14. 1, со ссылкой на Аристотеля). Однако и в это время и позже, не говоря уже о более ранней литературе юридически-домостроевского, научно-этнографического, эпиграфического характера (сюда же, разумеется, следует отнести и целый ряд мест из художественной литературы), продолжало жить представление об идеальном, отвечающем, впрочем, вполне реальным требованиям, образе женщины. Многие источники предписывают такой женщине-жене быть *pudica, lānifica, domisēda* — целомудренной, ткачей, домоседкой. Эти предписания постоянно отражаются в женских портретах, содержащихся, например, в надгробных надписях. Ср.:

Hic sita est Amymone Marci optima et pulcherrima,
lanifica pia *pudica* frugi casta *domisēda*.

CIL. VI, 11602⁴

Иногда эти описания женских добродетелей принимали несколько иную форму:

Heic est sepulcrum hau pulcrum pulcrai feminae.
suom mareitum corde deilexit souo.
domum servavit. *lanam fecit.* dixi. abei.

CIL I, 1007; VI, 15346 cf (Buech. № 52)

или: *casta pudens volgei nescia feida viro* (CIL I, 1011; VI, 9499; Buech, № 959) и т. п. С течением времени из этих трех добродетелей все чаще и чаще начинают говорить о целомудрии (*pudicitia, pudor*), имея в виду верность жены мужу⁵. Особенno ценятся женщины, лишь однажды бывшие замужем — *ūnivir(i)a*, о чём постоянно сообщается в надгробных надписях определенного вре-

⁴ Ср. также: *Carmina latina epigraphica. Conlegit Fr. Buecheler. I—II. Lipsiae, 1895—1897, № 237* (далее — Buech.); Ф. А. Петровский. Латинские эпиграфические стихотворения. М., 1962, № 26 (стр. 42—43).

⁵ Ср. и о девах:

O Priape potens amice, salve.
te vocant prece *virgil[nes pudi]cae,*
zonulam ut soluas diu ligatam,
teque nupta vocat, sit ut mar[ito
nervus saepe rigens potensque sem [per

CIL XIV, 3565 (Buech. № 1504).

мени, ср. Buech. № 548, 597, 652, 736, 968, 1523 и др.⁶, а также в laudatio funebris, произносимой мужем над гробом жены. Только *īnivir(i)a* имела право совершить жертвоприношение богине целомудрия (*Pudicitia*), войти в храм богини женской судьбы (*Fortūna muliebris*) или участвовать в Матралиях, посвящаемых *Māter Mātūta*. Второй брак противоречит *pudicitia* и *fidēlitas*⁷.

Как бы то ни было, древность сочетания *pūdīca*, *lānifica*, *domisēda* неоспорима, как и то, что это сочетание рассматривалось в качестве клише, состоящего из терминологических по своему характеру слов. Ср. четкость противопоставления *pūdīca* — *impudīca* (*impudicitia*, *impudentia*, *impudens*)⁸ или *domus*, *domī* — *forūm*, *forīs*, с одной стороны, и *peregrī*, *peregrē*, с другой (ср. *domi et peregrī*)⁹, а также исключительно богатые словообразователь-

⁶ Ср. Buech. № 455: *solo contenta marito*; № 1523: *unum sortita maritum seruauit casta pudorem*; Plaut. Merc. 824: «женщина, если она хорошая, довольствуется одним мужем». См. также: М. Е. Сергеенко. Жизнь Древнего Рима. Очерки быта. М.—Л., 1964, стр. 204, 321.

⁷ Ср. мотив несохранения Дионой верности праху Сихея (с последующим самонаказанием):

Non licuit thalami expertem sine crimine vitam
degere, more ferae, tales nec tangere curas!!
Non servata fides, cinere promissa Sychaeo!

Aen IV 550—552.

О женщине в Древнем Риме в свете этих характеристик см. J. Mag q u a r d t. Privatleben der Römer. Leipzig, 1886; H. Blumner. Die römischen Privataltertümer. München, 1911; L. Frielaender. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. Leipzig, 1921; J. Cagrogino. La vie quotidienne à Rome. Paris, 1938; F. E. Adcock. Women in Roman Life and Letters. — «Greece and Rome», № XIV, 1945; Ch. Lefèuvre. Le mariage et le divorce à travers l'histoire romaine. — «Nouvelle Revue historique du Droit français et étranger», vol. XLII, 1893 и др.

⁸ Ср. *dispudet*, *dēpudet*, *dēpudīco* и под.

9 Связь женщины-жены с домом, а мужчины-мужа с тем, что находится за пределами дома, составляет один из ведущих мотивов литературы домостроевского типа. Ср. у Ксенофона: ... ведь не сидишь же ты дома (οὐδὲ ἔνδον) ... я вовсе не бываю дома (έν τῇ οἰκίᾳ): ведь с дома шими делами жена и одна вполне может справиться: ... А так как для обоих этих родов занятий — и внутренних и внешних (τὰ τε ἔνδον καὶ τὰ ἔξω), — нужен труд и забота, то и природу обоих полов с самого рождения, мне кажется, бог приспособил: природу женщины для домашних трудов и забот (έπι τὰ ἔνδον ἔργα καὶ ἐπιμελήτα), а природу мужчины — для внешних (έπι τὰ ἔξω; ...) женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах... (Τῷ μὲν γὰρ γυναικὶ κάλλιον ἔνδον μένειν ἡ θυραυλεῖν, τῷ δὲ ἀνδρὶ αἰσχυλὸν ἔνδον μένειν ἡ τῶν ἔξω ἐπιμελεῖσθαι, ср. ту же идею у stoика Гиерокла, Stob. V, 696) и т. д. «Оесопотмик», VII (цит. по кн.: Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М.—Л., 1935, стр. 272 и след.; текст: Xépron hon. Ésopomique. Texte établi et traduit par P. Chantraine. Paris, 1949). Ср. в «Trattato del soverno della famiglia» (XV в.) Пандольфини: Советую тебе, жена, для твоей чести быть заботливой в делах домашних, а не разведывать о делах, выходящих за стены дома. См. подробнее И. С. Некра-

ные (включая словосложение) возможности лат. *lāna*¹⁰, отражающие, хотя бы косвенно, ту важную роль, которую играли шерсть и ткачество в домашней жизни в Риме.

Славянская культурно-языковая традиция, относящаяся к домострою и роли женщины в нем, не только сохраняет значение названных выше характеристик идеальной жены (при том, что именно они представлены как основные), но и обозначает их генетически тождественными или весьма сходными элементами.

Так, лат. *domiseda* в тех же контекстах соответствует слав. **domosēd-*, спр. русск. *домоседка* (ср. в пословице: Доброй жене *домоседство* не мýка; спр. еще *домосед*, *домоседство*, *домосидка*, *домосидчица*, *домоседничать* и под.), блр. *дамаседка*, польск. *domosiedna* (ср. *domosiedna niewiasta*), чеш. *domosed*, *domased*, слвц. *domased* «*kto rád sedí doma*» (пейорат.) и т. д. Хотя некоторые из этих примеров не вполне самостоятельны, праславянское происхождение этого сложного слова, видимо, не вызывает сомнения. Помимо приведенных примеров, спр. сочетание **sēdēti doma*, отраженное во всех славянских языках, обильное словосложение сходного типа в той же семантической сфере¹¹, инославянские примеры. Из последних следует принять во внимание как лит. *namīsēda* 'kas vis namie sēdi', так и более отдаленные образования типа др.-инд. *dám-pati-*, авест. *dāng patōiš*, др.-греч. δεῖπότης (из *δεμ-пот-) и под.¹² (сюда же — неологизм лит. *nampatis*),

с о в. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. М., 1873; А. С. О р л о в. «Домострой». Исследование. М., 1917 и др.

¹⁰ Помимо *lānificus*, спр. *lānificium*, *lānifex*, а также *lānifer*, *lāniger*, *lānilūtor*, *lānipendēns*, *lānipes*, *lānoculus*, *lānicutis*, *lānifricārius*; *lāneus*, *lānāris*, *lānārius*, *lānātus*, *lānō* ('εριφορέω), *lānestris*, *lānosus*, *lānitium*, *lānūgō*, *lānūginōsus* и т. п. Ср. «*Oeconomicus*» Ксенофона: . . . она умела сделать плащ из шерсти . . . ; . . . а крытого помещения (т. е. дома. — В. Т.) требует . . . и производство одежды из шерсти . . . ; . . . когда принесут тебе шерсть, ты должна позаботиться о приготовлении из нее одежды . . . ; . . . когда ты возьмешь женщину, не умеющую прядь шерсть, и сделаешь ее умеющей, так что она станет для тебя вдвое ценнее. . . (VII).

¹¹ Ср., например, сочетание *dom-* и *rod-*, *rost-* и под.: русск. *домородный*, *доморосток*, *доморошенный*, блр. *дамарбсы*, укр. *доморбслий*, польск. *domorosty*, в.-луж. *domorōdny*, чеш. *domorodec*, слвц. *domorodec*, *domorodka*, болг. *доморастьъ*, макед. *домороден*, *домородец*, словен. *domoroden*, с.-хорв. *домородан*, *доморбдац* и под., спр. др.-греч. οἰκογενῆς, передававшееся в старых русских текстах как *домочадъць*, *домочадица*. Несомненно, что многие сложные слова с элементом *dom-* объясняются как кальки или как поздние образования по более старым образцам. Тем не менее, и их нужно иметь в виду. Ср. русск. *домовод*, *домоводка*, *домоводство* (ср. лат. *Domi-dūcīs*), *домострой*, -ка (ср. др.-греч. οἰκονομία, οἰκονομική), *домодержец*, -ица, *доможил*, *домодел*, *домоздатель*, *домовладыка*, *домоправитель*, *домоблюститель*, *доморачитель*, *домохозяин* и под.; укр. *доморбний*, *доморядний*, словен. *domobranec*, *domoljub*, *domotožen*, с.-хорв. *домаžeт*, *домобráнац*, макед. *домазет*, болг. *домазет*, *домоначалник*, *домопримежател*, *домостроителство*, *домоупривител*, польск. *domostrōż*, *domoburzyciel* и т. п.

¹² Возможно, сюда же следует отнести герм. *Tamfana* (у Тацита), из **Tam-faþniā*, спр. δέξ-ποινα. См. V. Pisani. «Rendiconti d. Reale Accad. Nazion. dei Lincei». Ser. 6, vol. 7, 1931, стр. 73 и след.

предполагающие, видимо, и женские соответствия (ср. авест. *pmāpō. raþnī-*, др.-инд. *patnī-*, др.-греч. πότια, ст.-лит. *vieš-patnī*, может быть, слав. **рапъји* и т. д.)¹³. Наконец, о терминологичности слова *домоседка*, служащего для обозначения того, кто остается дома для присмотра за хозяйством и детьми, можно судить по некоторым диалектным примерам, ср.: Т'от' а Нáст'а — *дъмас'ётка*, ийо мъладый в Москвú *уйéхал'и*; Дру́бова *ráз'и* застáв'иш *дъмас'ёткъй* быт?; Снахá *уйéхаль* в юрът, ана́ т'ип'эр' в *дъмас'ёткъх*; Пайд'ом (на реку). Н'ал'з'á. Йа нын'и в *дъмас'ётках* и под.¹⁴ Заботы о «домовном строении», согласно традиции, возлагаются на жену; именно ее должен поучать муж, «како домъ свой добръ строити, и вся *домашняя* порядня и рукоделье всякое знать... и самой дѣлать». Те жены, которые выполняют это, «суть государыни *домовныя* и *домоводцы добрыя*» (ср. добрая *домовитая* жена, *домовитый* обиход и под.)¹⁵.

Лат. *lānifica* точнее всего соответствовало бы слав. **vl̥no-dělja* (ср. ст.-слав. *дрѣкодѣла*). Действительно, в отдельных славянских языках существует словоупотребление типа russk. *делать волну* (о приготовлении пряжи, ткани или даже одежды из шерсти) или — более отдаленно — польск. *węlną robić*, болг. *работя вълна* и т. п., хотя при этом имени чаще выступают глаголы, обозначающие более специализированные действия (быть, валять, трепать, чесать, стричь, прядь, ткать, плести, тянуть и под.)¹⁶. К развитию темы ср. «Похвалу женам» («Домострой», гл. 20): Обрѣтши *волну* и ленъ, сотвори благотребно руками своим (ср. то же самое в Ипатьевской летописи под 6488 г.; из ц.-слав. обрѣтши *влънж* и *лэнз...* в паремейниках¹⁷); . . . лакти же своя утвержает на вретено; ср. еще: . . . рубашка дѣлати. . . или поставъ ткати. . . и всякой мастери самой прядено . . . самой все свое рукодѣлие знати . . . всегда бы надъ рукодѣлиемъ сидѣла сама: то ей честь и слава и под. (гл. 29).

В связи с третьим элементом латинской формулы *rīdīca*, вероятно, следует вспомнить с.-хорв. *pùdльива* (ср. *пудльива* жена, *пудльивац* и под.), чеш. *ropudlivá*, russk. *пұдкая* (Даль III⁴, стр. 1405) и под. с общей идеей боязливости, робости и т. д. (ср. с.-хорв. *pùditi* 'гнать', словен. *poditi*, болг. *пъдя*, чеш. *puditi*, слвц. *puditi*, укр. *пудити*, блр. *пудзіць* 'пугать', russk. *пудить* 'пугать', 'гнать', 'ругать'¹⁸, возможно, 'спешить',

¹³ Ср. лат. *domina* 'госпожа', 'повелительница'.

¹⁴ См. Деулинский словарь, стр. 148—149.

¹⁵ См. «Домострой» по Коншинскому списку Сильвестровской редакции (гл. 29), изд. А. С. Орлова («Чтения в обществе истории и древностей российских», 1908).

¹⁶ Существенно, что на основе подобных сочетаний появляются и сложные слова типа russk. *волночес*, *волнотеп*, *волновал(ка)*, блр. *воўнапрадзённе*, *воўнатрапалыны*, *воўначасальны*, чеш. *vlnovitý* и под.

¹⁷ См. *Slovník jazyka staroslovenského*. 5. Praha, 1962, стр. 202.

¹⁸ Ср.: Нахáлы, б'ассб'исны! Уш йа их *пуд'йла*, *пуд'йла* (Деулино. Указ. соч., стр. 471).

‘итти толпой’¹⁹ и под.). Польск. *popędliwa* (от *pędzić*), как и некоторые другие факты, говорят в пользу праслав. **pqd-*. Впрочем, правдоподобная связь указанных славянских слов с др.-греч. *σπεόω*, *σπουδή*, лит. *spáusti*, *spáudyti*, *spaūdà*, *spūdà* и под., прусск. *spaustan* и под. заставляет большинство специалистов считаться с двумя вариантами **pqd-* и **poud-* /**pÿd-*, равно относимыми к праславянскому (как известно, такие пары реконструируются и для целого ряда других аналогичных случаев). Семантические основания связи **puditi* ‘гнать’ и **pudyliv-* ‘боязливый’, как и этих славянских слов с лат. *pudere*, *pūdīcūs* и т. п., очевидны (ср. восстановление первоначального значения лат. *pudere* как ‘*mouvement de répulsion*’²⁰); чеш. *pud*, польск. *pędzić* ‘инстинкт’ перекликаются в этом смысле с лат. *instinctus* (от *in-stinguere*). Поэтому *пудльва жена* соотносима с *fēmina pūdīca*, хотя для обозначения этого качества в разных славянских традициях использовались различные слова. Ср. в «Домострое» (гл. 33): Аще ли и сама государыня не *уцѣломудрится* и не *отженетъ ихъ*, — съ сицевыми горе ей самой!; (гл. 29) Перъвие — имѣти *страхъ Божий*, и *телесная чистота* и под. Обе эти цитаты поучительны: первая — синтагматической смежностью слов, обозначающих ‘целомудрие’ и ‘отгонять’ (ср. с.-хорв. *пудльва* — *пудити* и под.); вторая — сочетанием слов, выражаютъщих понятия ‘страх’ и ‘телесная чистота’ (ср. русск. *пудить* ‘пугать’ при с.-хорв. *пудльва* или чеш. *popudlivá*)²¹. Естественно, что тема целомудрия женщины приводит к теме единобрачия (ср. ниже: ни отгони[мъ] второго брака. . .): Гърлицы сѧ оуподоблю поустынелюбици и єдинемоужици. Жит. Алекс. челов. Бож. (Златострой XII в.), причем *єдинемоужица* (и *єдиномоужица*; ср. сходные образования и в других славянских языках) структурно соотносится с лат. *ūnivir(i)a*, употребляющемся терминологически (ср. также этимологическую связь *-in-* в *jed-in-* и лат. *ūn-*, из др.-лат. *oīnos*, ср. др.-греч. *οīnōs*, гот. *aīns*, ирл. *bīn*, лит. *vīenas*, лтш. *viēns* и т. д.). Еще полнее сходство лат. *ūnivir(i)a* с лит. *vien(a)vyrē* с тем же значением²², что дает основание думать и о более древнем источнике — **oin-* + **vīr-*.

¹⁹ Ср.: Куда это народ по дороге *пұдит*; Дождь весь день *пұдит* и под., см. Даль III⁴, стр. 1405.

²⁰ См. Egmont-Meillet. II, стр. 960.

²¹ Из других примеров ср.: Живъши съ мжжемъ *цѣломоудрьно* лѣт и отъ дѣвства своего. Панд. Ант. XI в., 51; Та бо [Сусанна] изволи паче врѣменъноуж сѣмрѣть, нежели *цѣломоудрьнааго* лишитисѧ вѣнца. Там же, 49 (*τὸν τῆς βωφρούητς στέψανον*); аще же *цѣломоудриши*, то Бжий даръ имаши. Пчел., 108; Ни отгони(мъ) второго брака. . . но каже(мъ) хотящимъ *цѣломоудрить*. Там же, 133; Они бо, своими моужими любими соуще, . . . добромыслюще *цѣломоудроууть*. Там же, 12; Съ женою *цѣломоудрою* ближены съвѣршиль юсть коньцъ. Мин. 1096 г., 122 и др. (См. Срезневский. III, стр. 1454—1455).

²² Ср. др.-инд. *Eka-vīrā*, имя дочери Шивы.

Указанные сходства позволяют говорить о древних индоевропейских текстах, каркас которых определяется сочетаниями лексем: (**dom-* + **sed-*) & (**ułn-* + **dhe-*) & **pud-* & (**oin-* + **uir-*), а сфера употребления — обычаем и правовыми нормами в отношении женщины-жены.

* * *

Еще один пример фразеологических (в своих истоках) соотношений в пределах той же семантической сферы. На основании многочисленных старославянских примеров, засвидетельствованных в самых разных текстах, типа л'юбодѣниe, л'юбодѣніи, л'юбодѣи, л'юбодѣца, л'юбодѣнъ, л'юбодѣстъ²³, во-первых, и выражений подобных л'юбы дѣлти; иже аще поуститъ жenjъ своя не прѣ'юбы дѣлакъш. Савв. кн. 43 (ср.: ὅς ἀν ἀπολύσῃ τὴν γυναικαν αὐτὸν μὴ ἐπὶ πορνείᾳ), прѣлюбы дѣлегъ. Матф. XIX, 9 (Зогр., Мар., Асsem., Остр.)²⁴ и др., во-вторых, а также принимая во внимание соответствующие примеры из других славянских языков, — применительно к праславянскому периоду можно восстановить сочетание лексем **l'ub-* и **dějati*. Следует подчеркнуть, что выражение прѣ'юбы дѣлаетъ не является калькой (в греческом тексте ему соответствует μοιχᾶται, ср. прѣ'юбодѣи — μοιχός), и это также служит аргументом в пользу праславянского характера восстанавливаемого сочетания²⁵.

Недавно обнаружился еще один факт, позволяющий не только подтвердить возможность предлагаемой реконструкции, но и, видимо, углубить ее, отнеся к хронологически более ранней эпохе. Речь идет об этимологическом истолковании лат. *voluptās* ‘удовольствие’, ‘наслаждение’, ‘чувственное наслаждение’, ‘сладострастие’, ‘похоть’, ‘ страсть’ (низменная) и под.²⁶, предложенном О. Семерены²⁷. Согласно новой гипотезе, *voluptās* восходит к форме абстрактного имени **ułubī-tāt-*, предполагающей прилагательное **ułubīs* (с элементом *-i-*, как в *turpis*, *rudis*, *ingis*); от этого прилагательного в старолатинских текстах известна форма среднего рода *volup(e)* ‘приятно’, ‘радостно’, ср.

²³ Сюда же прѣ'юбодѣи, прѣ'юбодѣнъ, прѣлюбодѣти, прѣ'юбодѣниe, прѣ'юбодѣствъ, прѣ'юбодѣство, прѣ'юбы.

²⁴ Ср. варианты с творити типа прѣ'юбы творити, а также смешанные случаи, ср. творитъ и прѣ'юбы дѣлти. Матф. V, 32 (Мар.). Анализ такого рода выражений см. А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 217—218 (здесь же вывод о первонаучальности глагола дѣлти в этих конструкциях).

²⁵ См. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. «Славянское языкознание». V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 141.

²⁶ Ср. также лат. *Voluptās*, *Volupia*, имена богини наслаждений. К противопоставлению *voluptās* — *dolor* см. Cic. Fin. I, 11, 37.

²⁷ См. О. S z e m e g é p u i. Principles of Etymological Research in the Indo-European Languages. — «II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft». Innsbruck, 1962, стр. 181 и след.

у авторов комедий старое выражение-формулу *volup(e) est* (существование *volup* в субстантивном употреблении у Энния А. 242 признается сомнительным). Предполагается, что само прилагательное сохранилось как в выражении **volubi est*, так и в выражении **volubi facit*. Правдоподобным источником этого прилагательного следует считать **wolubhi-* (возможно, из **welubhi-*), в котором О. Семерены видит сложение элемента **welo-* или **wolo-* (ср. ст.-слав. *велии*, *вёлми*, русск. *велий*, *вельми*, болг. и макед. *велий*, с.-хорв. *вёльј*, др.-чеш. *velí*; *vele* 'очень', *velmi*, слвц. *velo*, *vel'mi*, в.-луж. *wjele*, польск. *wielmi* и т. п.) и корня **lub-* (из **lubb-*), упрощенное вследствие гаплогогии. Примеры типа плавтовского *facite vostro animo volup* 'поступайте в свое удовольствие' или *voluptate affici* 'наслаждаться радостью', *officium a voluptatibus* как обозначение должностного лица, заведующего увеселениями, или, наконец, сложные слова вроде *voluptificus* 'доставляющий удовольствие'²⁸, также позволяют восстановить для древнейшего периода в развитии латинского языка сочетание элементов **lub-* и **fac-*, аналогичное славянским **l'ub-* и **dē-* (ср. лат. *feci* < **dhe-k-*: *ঢঢ্বকা* и под.). Более того, если верно предположение о существовании лексемы **wel-* в значении 'много'²⁹, то лат. **volubis* значит 'valde lubēns' и может дать основание для реконструкции сходного сочетания **vele-* и **l'ub-* в праславянском, хотя в старославянских текстах слово **вёлебъюне* (несмотря на обилие таких образований, как *вёлезълова*, *вёленълъкъстъ*, *вёлълъкъста* и т. д.) отсутствует, как и в других славянских языках (если верить словарям), за исключением верхнелужицкого, ср. *wjeleluby*, *wjelelubowany*³⁰. Тем не менее, выражения типа «*любовь велику створихомъ*». Поуч. Влад. Моном³¹, *великая любовь* и т. д. (ср. также ц.-слав. *многомъбазнъ*, *многомъстикъ* 'полублъдъс', чеш. *velemilý*, *velemilený*, *velemilovaný* и под.) в целом или по частям помогают восстановить исходную форму сочетания слов — **vele-* и **l'ub-*³².

²⁸ Ср. *voluptifica* в связи с *stella Veneris* у Апулея.

²⁹ Ср. тох. В *wälts* 'тысяча', *walke* 'продолжительный' (тох. A *wäl* 'царь', тох. В *walo*), др.-греч. (F)āλις 'достаточно' и т. д. Поскольку ст.-слав. *веле* 'ох!', 'о как!' (междометие) связано с *веле* 'много', 'многий' (такая связь семантически понятна, ср. *πόσος* 'сколь значительный', 'сколь многочисленный' и *ῳ πόσος* как эквивалент междометия *веле*), то могли бы представить определенный интерес такие контексты, как: *ω веле χ(ристо)ово γλοκ'кол'юне*. Супр. 419, 25 (*ῳ τῆς τοῦ Χριστοῦ φιλανθρωπίας*), — **vele ... & *l'ubije*. Ср. также русск. диал. *вёлей*, *вёлий* 'лучше' (СРНГ, вып. 4, 1969, стр. 106) и лит. *vely* 'лучше', 'охотнее', *velyk*, то же, важные в связи с параллелью лат. *völk*, *velle* 'хотеть', 'желать', 'предпочитать' (ср. у Ливия: *famaene credi velis quam ...* «неужели ты предпочитаешь, чтобы верили (больше) слуху, чем ...») — лат. **vel(o)*, **vol(o)* о них см. выше.

³⁰ См. Рифхл, стр. 792; Якубаш, стр. 399.

³¹ Ср. *Сътвориста любовъ* межи собою *велику*. Ипат. летоп. (6658 г.); *Мъногую любовъ имѣя*. Сказ. Бор. и Глеба (черноризца Иакова) и др.

³² Если учсть связь **vele-* с **volja* (и **velēti*, **voliti* и под.), то следует напомнить и о формулах типа... поставихомъ по своей воли и по любви.

Учитывая приведенное выше сочетание элементов **l'ub-* и **dējati*, можно теперь говорить о последовательности из трех членов **vele-* & **l'ub-* & **dē-*, почленно сопоставимой с лат. **vel-* & **lub-* & *fa(c)*. Совпадение этих двух независимых комплексов дает основание для постулирования индоевропейского прототипа, который выглядел бы (для известного периода) как **uel-* & **lubh-* & **dhe-*.

Можно говорить и о некоторых других итальянско-славянских параллелях из этого же круга. Среди них — формальное соответствие между лат. *per-lubēns*, *per-libens* 'охотно соглашающийся', 'благосклонный' и 'испытывающий удовольствие' (ср. у Цицерона: *me perlibente* 'к моему удовольствию'), ср. *perlibenter* 'весьма охотно', *per-libet* 'весьма приятно', и ст.-слав. прфл'юбы (**per-* & **lubh-*), хотя семантическое развитие **per-* прошло разными путями, впрочем, без труда сводимыми к единому источнику.

Оскская безличная форма *loufir* (ср. лат. *lubet*, *libet* и т. д.), употребляемая в качестве союза 'или', демонстрирует тот же путь развития, что и соответствующие славянские слова, ср.: *любо въ каторжъ, любо въ третиижъ стражъ придётъ*. Лук. XII, 38 (Остр.; *хәі ёау ёлдұ*); *любо скръбить, любо радоуеться*. Панд. Ант. (XI в.), 264; . . . то мъстити братоу брата, *любо оциу, ли сноу, любо браточадоу, ли братню сынови*. Русск. Пр. (Простр. ред.), I³³ и т. д. Ср. также безличное употребление типа *любо* (*любо видеть*. . .), *любо-дорого* и под., а также промежуточные между безличным и союзным употреблением случаи вроде «*любо, бери, не любо, не вороши*» и т. д. Интересно, что *loufir* и *любо* семантически соответствуют лат. *vel* 'или', 'либо', 'ли', т. е. слову, состоящему из того элемента, который образует уже указанные последовательности с **lub-* (*volup-*, **vele-ljub-* и т. д.). Видимо, с лат. *vel* нужно сопоставить и до сих пор не объясненное *воле* (*ᾶγε, ἄρα*), употребляемое в старых текстах не столько в качестве междометия, сколько в качестве частицы (вопросительной) или даже союза, ср.: *воле ты како бы слѣпъ?* Син. Пат., 99; *воле нынѧ богатии плачѣте*. Изб. Свят. 1073 г. 81; *Воле словесы ли то си будетъ створилъ или дѣломъ сконча*. Жит. Еутих. 36; *Воле же вы есте үлци*. Иов. XII, 2; *Воле исцѣлѣю ли, воле не исцѣлѣю ли*. Конст. Болг. поуч. (XII в.) и под.³⁴

Новгор. Догов. грам. (1262—1263); Съступися Дмитреи стола *волею* и поиде прочь с *любовию*. 1-ая Новгор. летоп. (6780 г.) и т. д.; ср. также чеш. *libo-volný* 'произвольный', *libovále* 'произвол' (ср. *вольнолюбие*). Такое же формульное сочетание образуется с участием **mir-*, ср.: *И бѣ миръ межю ими и любы*. Пов. врем. лет. (6504 г.); *Хочю имѣти миръ и свершенну любовь*. Обяз. грам. Свят. 971 г. и др. (ср. *любомирье*, *Любомир* и под., но *миролюбие*). Наконец, **mir-* и **volja* также образуют сочетания-клише (ср. Докончаша *миръ* на всеми *воли*. 1-ая Новгор. летоп. (6883 г.), ср. *мирволить* и под.).

³³ Это чередование *любо* и *ли* небезразлично для понимания возникновения союза *либо*.

³⁴ Не исключено, что к этой же семье слов принадлежат и лит. *vēl*, лтш. *vēl*, ср. лтш. *vēlēt* 'желать'. Так, допустима связь между характерным оборо-

Ст.-слав. *погъбъга* (ср. *подъбъга*, *подзгъба*, польск. *rośbiega*, чеш. *podběha* и т. п.) как обозначение жены, у *ш е д ш е й* (у б е ж а в ш е й) от мужа, в отличие от разведенной жены (поуштеница)³⁵, может быть сопоставлено с латинским выражением *vīrum fugere* (ср. **vīr(um)* & *fuga / fugāx*, *fugiens*, *fugitans* и под.)³⁶. Другая формула *potīri voluptatibus* «предаваться наслаждениям» (=дать наслаждениям овладеть собой) своим *pot-* (ср. *potesse*, *posse* и т. д.) возвращает нас, с одной стороны, к др.-инд. *dám-pati-*, др.-греч. δεσπότης и пр., а с другой стороны, к *погъбъга*. Тем самым, и и.-е. **pot-* включается в фразеологию этого же семантического круга. В связи с *погъбъга* и поуштеница, поустити уместно напомнить о структурном сходстве латинской и славянской фразеологии, описывающей начальную границу брака, — *ихorem dūcere* и *водити жену* ‘жениться’ (ср. *жена водимая, водимая ‘жена’*), ср. лит. *vēsti (ved-)* и под. или же *co-emere (coemptio)* в связи с *fēmina* как обозначение брака-купли, культивировавшегося среди римских плебеев, и праслав. **po-jeti ženę* (ср. *по-яти жену*).

* * *

Уже давно было обращено внимание, что древнее название царя сохранилось лишь на крайней западной и восточной периферии индоевропейского мира. Ср., с одной стороны лат. *rex* ‘царь’, др.-ирл. *rī* (ср. галльск. *-rix*)³⁷ при лат. *regīna* ‘царица’, др.-ирл. *rīgain* и, с другой стороны, др.-инд. *rājan-* (*rāj-*) ‘царь’ при *rājnī* ‘царица’. Практически это сходство распространяется и на некоторые другие обозначения того же круга, ср. лат. *rēgia* ‘царский дворец’, ‘царская семья’, ‘царский двор’, др.-ирл. *rīge*, др.-инд. *rājyā*, хотансак. *rrāśa*, не говоря о лат. *regere* ‘править’ и т. д. и др.-инд. *rājati*, *rāṣti* и т. д. Естественно, что столь четкая лингвогеографическая дифференциация индоевропейского ареала в отношении этого слова, как и исключительная важность реалий, скрывающихся за этим словом, для науки об индоевропейских древностях, не могли не привести к многочисленным попыткам найти соответствия указанным словам в других индоевропейских языках. Как правило, эти попытки оказывались неудачными

том *laime vēl, ka...* (ср. *labi vēl, ka...*) и выражениями типа *vēlu laimi* ‘желаю счастья’, *vēlu laimes* ‘поздравляю’ (ср. *vēlu labu* ‘желаю добра’), являющиеся старыми формулами. Отмечены случаи, где лтш. *vēl* выступает в значениях *vāl* ‘ли’, ‘или’ (ср. *воле*, лат. *vel*) см. МЕ. XLII, 1931, стр. 556. Ср. лит. *vēl* в значении ‘тоже’, ‘также’, ‘же’, ‘и’ и т. п. в ряде диалектных материалов, в старых текстах (например, у Донелайтиса); ср. также формальный параллелизм лит. *vely*: *velyk* ‘лучше’, ‘охотнее’ при *vēl*: *vēlek* ‘опять’, ‘тоже’ и т. д.

³⁵ Ср.: поустити ‘разводиться с женой’: иже аште поуститъ женъ сконј і оженитъ са иној. Марк X, 11; см. А. С. Львов. Указ. соч., стр. 216.

³⁶ Ср. лит. *nūotaka* ‘невеста’ от *tekēti* ‘выходить замуж’, собственно ‘бежать’. Из латинских приставочных образований ср. *per-fuga*, *trāns-fuga* для обозначения перебежчика (-ицы), беглеца.

³⁷ Ср. *Dumno-rix*, *Ver-cingeto-rix*.

или во всяком случае бездоказательными, в основном, по семантическим и историческим мотивам.

Лишь после обстоятельных исследований природы царской власти в разных архаичных традициях³⁸, в частности, в индоевропейской³⁹, стало ясно, какова семантическая основа термина, обозначаемого как *rex*, *rī*, *rāj(an)-*.

К числу несомненных выводов из этих исследований института царской власти относится установление скорее *жрецкой* (а не *царской* в более позднем понимании этого слова) функции царя, чем административно-политической. Древний царь выполнял роль жреца, который не только знал космологическую структуру мира и ведал космологическими изменениями, но и соотносил ее с социальным устройством общества; точнее, этот царь-жрец определял на уровне правил и религиозно-юридического права, каким образом должна быть организована данная социальная группа (или их совокупность) с тем, чтобы она соответствовала космическому порядку. Это соответствие идеальным образом могло осуществляться в центре мира, определяемом местом, где проходит *axis mundi*. Этот центр и был наиболее сакральной точкой пространства; в ней совершалось царем-жрецом жертвоприношение, также рассматривавшееся как акт установления связи (проверки соответствия) между космическим и социальным началами. Жертвоприношение совершалось не только в максимально сакральном месте, но и в максимально сакральной в *ремене* точке, — на стыке старого и нового года (если говорить о главном жертвоприношении), когда Хаос одолевал Космос. Понятно, что благополучие данного социума зависело от умения царя-жреца найти эту сакральную точку в пространстве и времени. Лишь найдя ее, можно было определить место и время жертвоприношения и через него — всю структуру пространства, занимаемого данным коллективом — алтарь, храм, поселение, его границы (четыре стороны света), и его в *ремене* координаты. Собственно, царь-жрец и определял пространственные границы поселения, устанавливая временные ориентиры и создавая свод правил поведения морально-юридического характера.

³⁸ См. прежде всего A. M. H o s a r t. Kingship. Oxford, 1927; Он же. Kings and Councillors. Cairo, 1936; Он же. Caste. London, 1950; H. J a c o b s o n h. Die dogmatische Stellung des Königs in der Trilogie der alten Ägypter. Glückstadt, 1939; H. F r a n k f o r t. Kingship and the Gods. Chicago, 1948; M. E l i a d e. Le Sacré et le Profane. Paris, 1965 и др.

³⁹ См. W. F o u y. Die königliche Gewalt nach den altindischen Rechtsbüchern. Leipzig, 1895; J. G o n d a. Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View. «Numen», vol. 3, 1956; Он же. The Sacred Character of Ancient Indian Kingship. — «International Congress of History of Religion. Papers». Roma, 1955; отчасти — B. S c h l e g a r a t h. Das Königtum im Rig- und Atharvaveda. Wiesbaden, 1960; W. R a u. Staat und Gesellschaft im alten Indien. Wiesbaden, 1957; J. C. H e e s t e r m a n n. The Ancient Indian Royal Consecration. The Rājasūya Described According to the Yajus Texts and Annotated. 's-Gravenhage, 1957 и др.

Исходя из сходных предпосылок, Э. Бенвенист сумел доказать⁴⁰, что лат. *reg-* находит себе соответствие в др.-греч. ὁρέγυμι ‘простирать’, точнее — вытягивать в прямую линию (ср. у Гомера χεῖρας ὁρεγύος или ὁργία ‘мера длины’, собств. — ‘размах рук’)⁴¹. Латинские слова с корнем *reg-* сохраняют следы именно такого первоначального значения. Ср. *regio* ‘направление’, ‘линия’ (и лишь впоследствии ‘область’, ‘район’) и соответствующие выражения *rectā regione* ‘по прямой линии’, *regione occidentis* ‘в западном направлении’, *ē regione* ‘прямо’, ‘напротив’; ср. также *rectus* ‘прямой’ (*recta linea*, *recta via* и под.)⁴², ‘отвесный’ (*recta saxa* и т. п.). Особенno характерна в этом смысле архаичная формула *regerē fines*, описывающая ритуальное действие проведения прямой линией границы данного участка⁴³, предшествующее сооружению объекта (как правило, имеющего и сакральное значение). Весьма интересно, что само действие в о з д в и ж е н и я также обозначается глаголом этого корня — *ērigere*. Ср. *ērigere āram* ‘воздвигать алтарь’ (ср. *āra Jovis* как обозначение жертвенника Юпитера)⁴⁴, *ērigere āram sepulcri* ‘воздвигать (сооружать) погребальный костер’⁴⁵ (ср. культ *Ara Maxima*)⁴⁶, *ērigere pontem* ‘воздвигать (сооружать) мост’ (ср. др.-инд. *panth-*, праслав. **r̥gъtъ* и т. д. как обозначение пути)⁴⁷, *ērigere turrim* ‘воздвигать башню’; *ērigere portam triumphālem* ‘воздвигать триумфальную арку (врата)’ и под.⁴⁸ Поскольку в приведенных примерах речь

⁴⁰ См. É. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. 2, стр. 9—15. Ср. также Egnot-Meillet. II, стр. 1000 и 1002—1004.

⁴¹ Значение же развертывания, распространения в ширину передавалось с помощью πετάννυμι.

⁴² Ср. *recta regione fluminis* ‘параллельно течению реки’ с дважды выступающим *reg-*.

⁴³ Этот ограниченный прямой линией участок противопоставляется окружающей периферии как сакральный — профаническому, свой — чужому и т. п. См. É. Benveniste. Указ. соч., стр. 14.

⁴⁴ Архаичность лат. *āra* подтверждается оск. *aasai* ‘на алтаре’, умбр. *asa* ‘алтарь’, хетт. *hašša-* ‘очаг’. Употребляемое в сакральном значении хетт. *hašši pabbur* ‘в очаге огонь’ (КВО III 27, 22—27), ср. также *hašši* (АВоТ 12 IV 25) как название обожествленного очага, соответствует оск. *aasai purasai* из Агнонской надписи (*kin ara igniaria*). См. подробнее В. В. Иванова. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании..., стр. 45.

⁴⁵ Ср. также *aras ponere* (*condere*, *consecrare*).

⁴⁶ Параллельно употребляется и *condere āram*, *arcem*, *moenia*, *templa* и под.

⁴⁷ Ср. *pontifex* ‘верховный жрец’ (*pons* и *facere*).

⁴⁸ К подобной фразеологии относится и *ērigere penem*. Ср. вед.: *káprn narah kapṛthám ud dadhātana codáyata khudáta vājasātaye*. RV. X, 101, 12 «Das Glied, ihr Männer, das Glied richtet auf, macht fix, stößt zu, um den Preis zu gewinnen!». В качестве параллели ср. *вознесение брахмана с тем же элементом — brahma-códana*; любопытна фразеология, связанная с балтийскими и славянскими словами, родственными др.-инд. *cud-* (совать, сунуть, лит. *šauti*, *šaudyti*, лтш. *säit*, *säut*, *saudit*, *saudit* и др.). Вместе с тем заслуживает внимания параллелизм между лит. диал. *starinti* ‘*ērigere penem*’ (из

идет о воздвижении объектов сакрального характера, которые могут рассматриваться как исторические варианты м и р о в о г о д е р е в а , сам акт воздвижения их уместно сопоставить с поднятием шаманского дерева и его заместителей, практикуемым как главное действие ритуального акта, с помощью которого шаман (жрец) устанавливает связь с небом ⁴⁹. Поэтому можно высказать предположение, что и это действие могло входить в функции древнеримского царя-жреца. В таком случае оказывается, что действие, передаваемое глаголом от корня *reg-, приводило к сакрализации данного пространства или временного отрезка независимо от того, прилагалось ли это действие к движению в горизонтальной плоскости или по вертикали.

В чем конкретно заключалось это действие, позволяют судить многочисленные параллели, засвидетельствованные в разных традициях. Речь идет о проведении границ, измерении участка, его членении. К этому сводятся и ритуальное «посвящение поля» в Древнем Египте, и соответствующие обряды в Древнем Китае, и обычай сакральных измерений в Двуречье ⁵⁰, и более поздняя практика межевания, отраженная многочисленными деловыми документами (ср. «Полицкий статут» и т. п.) ⁵¹. Языковые данные в изобилии доставляют примеры

говора Кведарны) и ведийским употреблением слова *bráhman* при глаголе *star-*, *stir-*. Есть основания полагать, что этот же глагол мог некогда употребляться и при др.-инд. *kapr̥th*, *kapr̥tha* 'penis'.

⁴⁹ В ряде традиций сохраняются следы функционального тождества царя с мировым деревом. Этим, в частности, объясняется символика солнца и луны в связи с образом царя (ср. принадлежность цейлонских царей к Солнечной или Лунной династиям, систему поэтических образов — словесных и изобразительных и т. д.). См. А. М. Носагт. Указ. соч.; Е. С. Семека. История буддизма на Цейлоне. М., 1969, стр. 84—85. Характерно, что между царем и землей заключался священный брак, находящий аналогии как в мифологеме брака Неба и Земли, так и в ритуале заключения брака между главой племени и землей с целью процветания данного коллектива. В римской традиции 9-го января *Rex sacrorum* совершал жертвоприношение Янусу, отмечая тем самым начало восхождения солнца. Вместе с тем этот день посвящался и Юноне как богине луны. Связь названий солнца, луны и слов с корнем *reg-* см. в формуле (*luna* *cum est e regione solis*). Cicer. N. D. 2, 40, 103. Космологическая природа царя свидетельствуется обозначением ряда древнеиндийских богов как *rājā*. Ср. также RV. X. 90, 4: *tri-pád̄ úrdhvá úd ait púruṣaḥ pádo'syeḥábhavat púnaḥ | tato viṣvañ vy ákrāmat sáśanānaśane abhí || tásmād virál ajayata virájó ádhī púruṣaḥ | sá játó áty aricaya paścád bhūmim átho rúgáḥ* «На три четверти вознесся пуруша высь, четверть его осталась (здесь). Отсюда (он) распространяется на тех, кто есть и кто не есть. От него родилась Вирадж, от Вирадж — пуруша. Родившись, он распространяется вперед и назад по земле». Вирадж — женский творческий принцип, в котором подчеркивается идея распространения и порождения.

⁵⁰ Ср. надпись шумерского правителя Лагаша Энтемены на глиняном конусе (XXV—XXIV вв. до н. э.): «(Бог) Энлиль, господин (всех) стран, предок богов, . . . территории размежевал, . . . землемерную веревку (там) протянул, на этом месте камень водрузил. . .» и т. д.

⁵¹ О ритуальной роли границы и ее связи с правовыми понятиями см. L. R. Palmer. The Indo-European Origins of Greek Justice — TPhS. 1950, стр. 165 и др.

одинакового обозначения средства измерения (или меры длины) и соответствующего участка, ср. лат. *regio* 'линия' и 'область' или слав. *веревь* 'веревка' (в частности, измерительная и 'община' и 'земельный участок общины')⁵². К переходу между этими двумя значениями ср. лат. *linea* 'нить', 'шнурок'; 'граница', 'предел' и через выражения типа *locorum extremae lineaes* к обозначению участка, ограниченного этими пределами.

Уже на этом этапе оправдано сопоставление с лат. *regere* (и другими словами того же корня) слав. *rēzati* и связанных с ним лексем. Конкретные примеры — из них здесь будет приведена лишь часть — подтверждают правильность сопоставления, что в свою очередь должно рассматриваться как аргумент в пользу восстановления и.-е. **rēg* как общего источника далеко разошедшихся семантически образований в разных языках.

Прежде всего речь идет о слав. *rēzati* 'проводить рез(ы)', т. е. прочерчивать неким орудием линию, черту, нарез (ср. *чертить*, *прочертить* при лат. *kiſti*, *kerti* и под.)⁵³. Само название черты, линии, проведенной именно таким образом, — *rēzъ, rēza*. Вместе с тем это же слово (как и *regio* в латинском) приобретало значение земельного надела, участка. Ср. русск. *рез, резы* 'вновь срезанная под пашни полоса' (Даль III⁴, стр. 1769), *нарез, нарезок, нарезка* 'надел', 'нарезанная кому-либо доля', 'лоскут земли' (Даль II⁴, стр. 1210), *вырезок* 'сектор круга' (Даль I⁴, стр. 763), блр. *нарэз* (*нарэз зямлі*), укр. *rīza* 'отмежеванные участки поля в 3, 6, 10 моргов, смотря по местностям' (Вихожуя жати своюю *rīzu*. Левицк. Пов. 338; Під ним ціла *rīza* землі буде и под., см. Гринченко IV, стр. 21); полесск. *rýza, rýz, rýska, rýska, rýzochka* 'земельный участок в пять-десять соток' (Надзіл-то чатыры рэски. Два браты бац'каўски надзіл рэсками малыми дэл'ац' и т. д.), *riezъ* 'делянка земли'⁵⁴, и под. Более того, во всех славянских языках глагол **rēzati* прилагается как *terminus technici* к земле в качестве объекта. Балтийские данные, также не привлекавшиеся раньше в связи с лат. *reg-*, др.-инд. *rāj-*, подтверждают славянские факты и их сопоставление с латинскими словами. Ср. лит. *rēžis* 'полоса', 'нарез(ка)', *rūožas* 'чертка', 'линия', 'полоса' и 'учас-

⁵² Ср. *rape* как название некоторых судебных округов в Англии (от древней судебной общины), *reep* в Голландии при *rēp, rāp* 'веревка' (см. В гиппене г. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Bd. I, стр. 197); ср. совр. англ. *rape* (одно из подразделений графства Сассекс) при *rope* 'веревка', 'меры длины' (ср. *rap* 'моток пряжи длиной 120 ярдов'), *to rope* 'связывать'.

⁵³ К дальнейшему семантическому развитию (ср. *rēzati* 'проводить резы' при лат. *regere* 'направлять', 'определять', 'давать наставления' и т. п.) ср. в качестве аналогии франц. *tracer* с кругом значений от 'проводить черту' до 'изображать', 'намечать' и под. Ср. связь слов этого корня с обозначением пути — от лат. *tractus* до итал. *traccia* 'тропа', *in traccia di ...* 'в поисках...' и т. д.

⁵⁴ См. Л. Т. Вигонная. Полесская земледельческая терминология. «Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря». М., 1968, стр. 121.

ток' (ср. *rūožtas* 'полоса', 'участок', 'область'; ср. лтш. *ruðza*), а также *rēžti*, *ráižyti*, *raižyti* и под.

Специфическое для славянских языков применение слов от корня **rēz-* для обозначения заклания скота (ср. русск. *резка* 'убий скота', *резник* 'мясник', *резальня* 'место убоя скота'; польск. *rzeźalnia*, *rzeźnia* 'бойня'⁵⁵; в.-луж. skót k *rēzu*, блр. жывадзёр зьбіраіцца *рэзаць* быдлу⁵⁶ и под.) перекликается с латинским названием скотного двора *regia*, *gregis regia*. Вместе с тем лат. *regere* 'бросать в цель' (*regere tela*) отвечает слав. **raziti*, **po-raziti* 'попасть в цель', 'поразить цель' (ср. лит. *rēžti* 'разить').

Но особенно показательно совпадение между латинским и славянским выражениями, являющимися архаизмами из словаря древней ритуальной практики. Лат. *lituo regiones terminare* означало проведение небесной линии авгурским жезлом (ср. также *ē regiōne* «по прямой линии» в ритуальных клише). Надо полагать, что некогда *regiones* могло означать и те на дре зы, линии рассечения, которые делались жрецом при жертвоприношении (расчленение животного или человека на части и установление тождества частей тела с элементами Космоса, ср. др.-инд. *puruṣu* и т. п. принадлежит к важнейшим частям ритуала.) В связи с этим естественно припомнить известный отрывок из сочинения Храбра о письменах: Прѣждѣ оубо Словѣне не имѣхъ книгъ, нж чрѣтами и рѣзами чѣтѣхъ и гатаахъ, погані сѫще. Учитывая семантику чѣтѣхъ до изобретения письменности и особенно *гатаахъ* (ср. русск., ц.-слав. *гатати* 'говорить загадками', 'говорить неясно', 'предугадывать'⁵⁷, с.-хорв. *gámati* 'предсказывать', 'колдовать', болг. *gátam se* 'загадываю загадку' и т. п.⁵⁸), приходится признать, что чрѣтами и рѣзами чѣтѣхъ и гатаахъ⁵⁹, действительно, относится к гаданию, предсказанию по резам, как и практика римских авгуротов, проводивших *regiones* и определявших по ним судьбу.

Не исключены и некоторые другие совпадения в терминологии и фразеологии слов с корнем **reg-* и **rēz-*.

Имея в виду семантику **rēg-* в древнейшую пору, можно довольно естественно объяснить и целый ряд инославянских слов,

⁵⁵ Cp.: Pan Bóg nie wymaga, aby Mu gwałtownie prowadzono ofiary do ołtarza, jak zwierzęta do rzezalni. Варшавский словарь, V, стр. 817.

⁵⁶ См. И. К. Бялькевич. Краевы слоўнік усходній Магілёўшчыны. Мінск, 1970, стр. 397.

⁵⁷ Cp.: Отъ знамении нѣкіхъ гатаажте проричжть. Изб. Свят. 1073 г., 149; Не боуди ба, ни съмываа съна си не вражи, ни птицами гатаа. — Там же, 94 (птицами = пътицами). Ср. лат. *augur* 'жрец-птице гадатель', *a vi s* 'птица', 'вещая птица', отсюда — 'предназначение', 'знамение', 'примета', *avibus bonis* «при хороших предзнаменованиях», *avibus adversis* или *avi malā* (*sinistrā*) «при дурных предзнаменованиях» и т. п.

⁵⁸ Ср. авест. *gāθā* и др.-инд. *gāthā* как название сакрального песнопения (гимна).

⁵⁹ Характерно само сочетание чрѣтами и рѣзами (к *rēzati* — чертить', 'прочерчивать').

которые долгое время считались темными. Так, например, др.-инд. *rājas* ‘пространство’, ‘небесное пространство’ (ср. лат. *regiones* ‘небесные линии’), *rājasi* дв. ч., ‘небо и земля’, конечно, связывается с лат. *regio*, о чем свидетельствует и др.-инд. *r̥jyati*, *r̥njāti* ‘простирает’, ‘распространяет’, ср. *rājas* и *pr̥thu-*, *uru-* ‘широкий’ и т. д. (сюда же *rājih* ‘рез’, ‘линия’, ‘ряд’, возможно, авест. *rājī-* с несколько неясным значением, ср. глагол *raz-*, *rāzaya-* и под.)⁶⁰. Др.-инд. *rājasī* как образ двух пространств («размаях Вселенной»), будучи сопоставлен с др.-греч. ὁρέως χείρας и ὁργία (см. выше), обнаруживает внутреннюю мотивировку этого слова⁶¹. Очень любопытны известные из разных традиций эпитеты царя типа др.-инд. *dirgha-bāhu-* ‘долгорукий’ (ср. также о царях и о Вишну — *mahābāhu-*), авест. *darəgō. bāzu-*, русск. Долгорукий и под. Отнесение эпитетов такого типа к царю (**rēg-*), учитывая семантику **rēg-*, конечно, не случайно⁶².

История изучения продолжателей и.е. **rēg-* в отдельных языках показывает со всей очевидностью, каким образом пренебрежение семантическими тонкостями приводит к разъединению и изоляции единых по происхождению элементов, несмотря на то, что эти элементы безупречно соответствуют друг другу с фонетической точки зрения и входят в весьма сходные словообразовательные модели (*i*: *rēgia*, *rājī-*, *rājī-*, **rēzv-*; *-u*-: ὁργία, **rēzv-*, **rēzov-yn-*; *-n*-: *rājan-/rajīn-/*, *regnum*, *regnāre*, *regīna*, **rēz-an-*, **rēz-en-*, **rēz-yn-*; *-men*-: *regimen*, **rēz-ь-men-*; *-l*-: *rēgalis*, *rēgillus*, **rēz-al-ьn-* и под.).

В заключение — несколько слов о др.-русск. *вазнь* ‘счастье’, ‘удача’ и ‘добрость’, ‘отвага’, *вазньство*, то же, *вазнивый* ‘счастливый’⁶³, которые до сих пор оставались не объясненными или толковались ошибочно⁶⁴. Целесообразно предположить, что *вазнь* является остатком старого индоевропейского слова, принадлежавшего, видимо, к гетероклитическому склонению. Ср. др.-перс. *vazarka-* ‘великий’, ‘могучий’, представляющее собой образование на *-ka* от основы **vaz-ar-* (или **vaz-ra-*), которая в свою оче-

⁶⁰ См. подробнее: Th. B u r g o w . — BSOAS, vol. 12, 1948, стр. 645 и след.; J. G o n d a . Semantisches zu idg. **rēg-* ‘König’ und zur Wurzel *reğ-* ‘(sich aus) strecken’. — KZ, Bd. 73, 1956, стр. 151—167. — Интересно, что сравнение *rēz-* с ὁρέως *regere*, *r̥jyati*, хотя и без должного семантического обоснования, принадлежит еще А. Матценауэру (см. LF. 18, стр. 255 и след.).

⁶¹ Ср. также лат. *rēgula* в значении ‘линейка’ (также ‘критерий’, ‘норма’, ‘правило’), т. е. то, что является мерой (ср. ὁργία ‘мера длины’); ср. также авест. *rāzan-*, *rāzar-*, ‘правило’, ‘предписание’.

⁶² Из других перекличек ср. формулу *rājā kṛṣīnām* и *rājā carṣapīnām* ‘царь людей’, многочисленные примеры которой отмечены в Ведах и относятся к высшим богам (см. B. S c h l e g a t h . Указ. соч., стр. 45—47, 52) в связи со слав. **rēzv-* в значении режущего орудия (ср. болг. *rъз* ‘нож плуга’) при том, что др.-инд. *kars-* означает ‘пахать’, ‘проводить борозду’ (ср. *karsū-* ‘борозда’, *kṛṣī* ‘пахота’, *carṣapī* — сюда же). В этом смысле *rājā kṛṣīnām* ‘царь землепашцев (?)’ для более древнего периода может рассматриваться как формула с двумя сходными семантическими множителями.

⁶³ См. примеры — С р е з н е в с к и й I, стр. 225—226.

⁶⁴ См. Ф а с м е р , I, стр. 267.

редь основана на глагольном корне **vaz-* ‘быть в силе (в моци, в расцвете)’⁶⁵, ср. также авест. *vazra-*, др.-инд. *vájra-* ‘дубинка Индры’ и т. д. при др.-инд. *vája-* ‘сила’. Эти примеры, как и родственное им лат. *vegēre* ‘возбуждать’, *vegetātio* ‘возбуждение’, *vegetus* ‘крепкий’, ‘полный сил’, ‘бодрый’, *vigēre* ‘быть полным сил (крепким)’, ‘быть в расцвете (сил, славы)’⁶⁶ и т. д., позволяют отделить элемент *-r-* от корня. Следовательно, др.-перс. *vazarka-* и *вазнь* могут отражать более древнюю гетероклитическую основу **vaz-r-*: **vaz-n-* (к образованию с элементом *-n-* ср. др.-инд. *váj-in-* ‘сильный’, ‘герой’, название коня и т. п.)⁶⁷. Принимая во внимание значение др.-инд. *vájra-* (ср. *vájra-* в функции детородного члена), латинских указаний типа *veget pro vegetat vel erigit, vel erectum est* (*Non.* 183, 1) или *animos Venu veget voluptatibus* (*Pompon. Maiali*, 78), германских слов со значением ‘расти’, ‘увеличиваться’ и под. (гот. *wakan, gawaknan*, др.-сев. *vakna*, а.-сакс. *waescnan* и др.)⁶⁸, естественно предположить в словах корня **veg-* наличие специального смысла — ‘производительный’, ‘плодотворящий’ и т. п. Между прочим, присутствие именно такого нюанса объяснило бы употребление др.-перс. *vazarka* в архаичных формулах в связи с царем, богом и (реже) землей⁶⁹, представителями трех космических сфер и соответственно трех основных функций (в духе Дюмезиля). Следовательно, и *vazarka*-возвращает нас к кругу тем, связанных с царем (ср. также: Повѣща Дариеви *вазньство* Александрово. Александр. и др.).

Корректурное примечание. 1. Ср. традиционную латинскую формулу женских эпитафий: *Pia, pudens, pudica, lanam fecit.* 2. О *rēx, rājan-* и под. см. теперь: W. Winteg. Some Widespread Indo-European Titles. «Indo-European and Indo-Europeans». Philadelphia, 1970, 49—51. В связи с *regia* см.: G. Dumézil. Les cultes de la *regia*, les trois fonctions et la triade Jupiter, Mars, Quirinus. «*Latomus*» XIII, 1954, 129—139. — К типологическим параллелям, удостоверяющим связь названий жреца и гадания (или его орудий), ср. название вепсских жрецов-арбуев: *arboi* при *arboida* ‘гадать’, *arb* ‘жребий’ *arbāñe* ‘метка’; финск. *arpoja* ‘гадалка’ при *arpoa* ‘метать жребий’, *arpa* ‘жребий’, ‘жезл (прут) для узнавания тайн’ (ср. лат. *lītūus*), *arpi* ‘рубец’, ‘нарезка’ (ср. *рез*) и т. д. (слова германского происхождения). Названия такого рода нередко ложатся в основу теофорных имен и эпонимов.

⁶⁵ О *vazarka-* см. É. Benveniste. Указ. соч., 2, стр. 21—22.

⁶⁶ Ср. ирл. *uigil, fēil, figell*, брит. *gwyl* и т. д.

⁶⁷ Подобно авест. *rāz-ar-: rāz-an-*.

⁶⁸ Не относится ли сюда же лат. *vagāri* (ср. значение ‘распространяться’; например: *ea fama vagatur* и под.), *vagus* (ср. *vaga fortuna* и под.)?

⁶⁹ Ср. Adam Dārayavauš xšāyaθiya *vazarka...*; Auramazdā *vazarka* hya maθišta bagānām...; Baga *vazarka* Auramazdā hya imām būmim adā hya avam asmānam adā hya martiyam adā hya šiyātīm...; Adam Xšayāršā xšāyaθiya *vazarka...* xšāyaθiya ahyāyā būmīyā *vazarkāyā...* и т. д. Ср. характерное соседство: ... и юже въ дѣлѣхъ его *вазнь* и *мужество*. Хрон. Иоанна Малала и др.